

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

С.Д. Кржижановский и А.Г. Бовшек

Всю мою трудную жизнь я был литературным
небытием, честно работающим на бытие.

С. Кржижановский

Мои «соцопросы» показали, что имя писателя, драматурга, философа, историка и теоретика театра, а также талантливого и очень оригинального поэта Сигизмунда Доминиковича Кржижановского мало известно даже вполне маститым читателям и знатокам литературы, независимо от возрастной группы, к которой они принадлежат. «Глеба, что ли?»* – спросил один из них... Между тем по его сценариям были сняты очень популярные в 30-х гг. прошлого века и позже кинофильмы «Праздник святого Йоргена» и «Новый Гулливер». Но и этот факт был практически неизвестен современникам, так как в качестве сценаристов в титрах фигурировали фамилии режиссеров-постановщиков Я. Протазанова, а также А. Птушко и Г. Рошалья (с которым С. Д. дружил). Да и сам я, откровенно говоря, знатоком творчества, а тем более биографии героя этого очерка отнюдь не являлся.

Правда, если вернуться к словам самого нашего героя, приведенным выше в качестве эпиграфа, кое-что понять можно... «Четвертый, младший ребенок – единственный сын», родившийся

* Глеб Максимилианович Кржижановский (1872-1959) – революционер, советский государственный и партийный деятель, вице-президент АН СССР, ученый энергетик и литератор, друг Ленина.

в Киеве в 1887 году, происходил из польской семьи Фабианы Станиславовны и Доминика Александровича Кржижановских, жившей на окраине города. После окончания 4-й киевской гимназии в 1907 г. он продолжил обучение на юридическом факультете в Киевском университете, параллельно посещая лекции историко-филологического. Уже в годы учебы произошла первая публикация его стихов (1912), а после заграничной поездки по Италии, Австрии, Франции, Германии, в 1913, – путевые очерки были напечатаны в газете «Киевская мысль».

После окончания университета в 1913 году Кржижановский служил помощником присяжного поверенного при Киевском окружном суде, однако в 1918 бросил юридическую практику. Одна из биографов Сигизмунда Доминиковича, Е. Воробьева (а обилие литературы о нем и его творчестве потрясает! – Л. А.), писала: «...в 1918 году он, советский солдат, стоял на часах и невозмутимо читал Вергилия, на чем его и поймал комиссар Красной армии С.Д. Мстиславский. Позднее Мстиславский пригласит его на работу в редакцию Большой советской энциклопедии, для которой он сперва будет писать статьи, а затем станет контрольным редактором отдела литературы, искусства и языков.

В течение трех последующих лет все силы и внимание он отдавал литературе, писательскому опыту. В первом номере журнала «Зори» за 1919 год был напечатан рассказ «Якоби и «Якобы».

Он читал лекции по психологии творчества, истории и теории театра, литературы, музыки в Киевской консерватории, Музыкально-драматическом институте имени Н. Лысенко и Еврейской студии Киева.

В 1920-м он познакомился с одесситкой, актрисой Анной Бовшек, своей будущей музой и женой. Анна Гавриловна Бовшек родилась в нашем городе в 1887 году. В одесском областном архиве нам удалось обнаружить метрическую запись. Отец Анны был банковским служащим, мать – гимназическая преподавательница русского языка. В семье было еще несколько дочерей. Анна окончила восемь классов гимназии, затем училась на Московских высших женских курсах. Профессиональное образование получила в частной драматической студии А.И. Долинова и Первой студии Московского художественного театра. В 1907 году поступила

в труппу Одесского городского театра. Позже играла театрах Киева, Тулы, Нижнего Новгорода.

В 1914 году приехала в Москву, была принята в Первую студию МХТ. Работала под руководством К.С. Станиславского, Л.А. Сулержицкого и Е.Б. Вахтангова.

Первым браком сочеталась с театральным художником Павлом Узуновым, и, согласно свидетельствам современников, посаженным отцом на свадьбе был сам Станиславский. После разрыва с первым мужем в 1916 году Анна Бовшек оставила Художественный театр и ушла на фронт Первой мировой войны сестрой милосердия. В годы революции погиб ее отец.

В начале 1920-х годов она жила и работала в Киеве, регулярно выступала в концертах с художественным чтением, став одним из первых советских мастеров художественного слова. На одном из таких литературных вечеров и познакомились наши герои. Ниже привожу буквально выдернутые из текста описания этой и последующих встреч в воспоминаниях Анны Бовшек «Глазами друга»:

«Сладкопепцев (учитель Анны. – Л. А.) указал мне на высокого, слегка сутулившегося человека в зимнем пальто, большой шапке, закрывавшей пол-лица, и сказал – это

А.Г. Бовшек в юности

С. Кржижановский в Италии. 1912 г.

Кржижановский. Разглядеть Кржижановского было трудно, тем более что он сидел в темном углу. Не разглядела я его и тогда, когда ему было предложено высказаться». И далее: «...Кржижановский молча пожал руку. Было еще светло, когда закончился вечер. К счастью, оказалось, что нам с Кржижановским по дороге... Мне и тогда было очень хорошо, а сейчас кажется, что это был один из лучших дней в моей жизни.

...При дневном свете он показался мне еще худей и бледней, чем накануне. Все мы жили тогда в голоде и холоде, и похвалиться полнотой никто не мог, но его худоба и синеватая бледность лица казались болезненными...

К сожалению, в моем хозяйстве не оказалось ничего, кроме яблок, подаренных мне одной из моих учениц, только что вернувшейся из деревни... Яблоки были огромные, сочные, красные. Мне кажется, что я в течение всей последующей жизни таких чудесных яблок не видала. Кржижановский, получивший от меня яблоко, впоследствии посмеивался надо мной, утверждая, что я действовала методом Евы. В то утро мы договорились о первой литературной программе: Саша Черный и Андрей Белый. Этих поэтов я мало знала и потому попросила разрешения достать книги и познакомиться с ними. Кржижановский объяснил мне свой замысел и основные положения доклада.

...Поэты были мне не очень близки, но я страстно хотела, чтобы вечер прошел удачно, как в конце концов и произошло».

О Кржижановском: «...жест его был скуп, но выразителен, особенно выразительны кисти рук, белые, с тонкими длинными пальцами. Обладая великолепной памятью, он никогда не пользовался выписками, а цитировал целые страницы наизусть. Повторять одну и ту же лекцию он не мог, постоянно внося момент импровизации. Голос низкий, слегка приглушенный, богатый обертонами, казался насыщенным волевым посылом и увлекал слушателей неожиданностью интонаций. Александр Яковлевич Таиров, слушавший его много позже, не раз говорил, что по силе воздействия на аудиторию Кржижановский напоминал ему Жореса, хотя между этими двумя ораторами было мало общего».

«Думаю, – пишет Анна, – что секрет воздействия Кржижановского на аудиторию заключался в страстной сосредоточенности его мысли, влюбленности в тему и, конечно, в мастерстве». А в других воспоминаниях этого стройного голубоглазого блондина характеризовали так: «физически крепок, духовно – легко раним...».

Он прекрасно пел баритональным басом, и ему прочили оперную карьеру.

В Киеве А. Бовшек и С. Кржижановским подготовили несколько совместных концертных программ, в которых принимал участие также Г.Г. Нейгауз и оперные певцы. Вместе они устраивали концертные выступления, хорошо принимавшиеся рабочей, красноармейской и интеллигентской аудиторией.

В конце 1921 г. Анна Гавриловна перебралась в Москву, а позднее туда переехал и Кржижановский. Развитие их личных отношений в тот период Анна описывает весьма сдержанно. Разве что однажды упоминает о подаренной ей ветке сирени.

В 1922 году А.Г. Бовшек обратилась к педагогической деятельности. Параллельно с концертными выступлениями преподавала актерское мастерство и технику речи еще в Киеве, в Высшем музыкально-драматическом институте им. Н.В. Лысенко, а в Москве – в Театральной академии, студии Соловцовского театра, а также в Высших государственных экспериментальных мастерских Камерного театра, в Театральном техникуме им. А.В. Луначарского, на курсах им. А.Н. Островского.

В 1926-1932 годах была научным сотрудником первого разряда при Государственной театральной библиотеке Малого театра, консультантом по репертуару и вопросам театрального образования. С 1936 по 1962 год была руководителем и преподавателем Студии художественного слова Московского городского Дома пионеров и школьников в переулке Стопани. Куратором студии был И.М. Москвин. Студия, кстати, работала и в годы Великой Отечественной войны, актерские бригады ездили по военным госпиталям, выступали с концертами.

Они поселились в единственной комнате коммунальной квартиры в Земледельческом переулке, 3, но жили совместно далеко не всегда... С. Д. постоянно чувствовал потребность

А.Г. Бовшек в начале творческой деятельности

в отдельной комнате, которую имел в такой же коммуналке на Арбате, 44.

Параллельно с работой в студии Бовшек преподавала культуру речи и в Институте повышения квалификации педагогов, в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина, а с 1943 года была преподавателем техники речи в Камерном театре.

В столице возникли контакты молодых людей с весьма интересными москвичами. Так, в частности, они бывали в доме будущего академика-биолога А.Н. Северцова, который, кстати, послужил одним из прототипов профессора Персикова в повести М.А. Булгакова «Рокотные яйца».

В этом доме они встречали таких замечательных ученых, как Вернадский, Зелинский, Ферсман, Ольденбург и других. Здесь они за чашкой чая услышали рассказ о планах расщепления атома, познакомились с интереснейшими научными замыслами и свершениями.

В этот же период они познакомились и творчески сотрудничали с московской творческой молодежью – с Верой Строевой, с группой Г.Л. Рошаля. Сигизмунд Доминикович читал ребятам лекции, беседовал о Мольере, его «эпохе комедии» – словом, как пишет Анна, обо всем, что требовалось знать в процессе работы. Тогда же познакомились с замечательным мастером художественно-

го слова, создателем жанра «театр одного актера» Владимиром Яхонтовым.

Приходится повторить, что ни Анна, ни Сигизмунд почти нигде не пишут о развитии личных отношений, о вступлении в брак, и только в ходе воспоминаний о совместной работе, о личностных особенностях С. Д., об интересных встречах, проскальзывает: – «*Наши* (Курсив мой. – Л. А.) материальные дела были на грани краха. Не имея летом заработка, я уехала в Одессу в надежде пережить трудные дни в семье со своими близкими. Уезжая, я не очень-то верила словам С. Д., уверявшего меня в том, что дела пошли на улучшение, и он вот-вот получит гонорар...». В разные годы они побывали в Коктебеле, где С. Д. жил некоторое время у восхищавшегося им М. Волошина, а Анна там провела всего два дня – в Тарусе, на Кавказе.

Он был страстным путешественником – бывал в Средней Азии, в Сибири. Анна пишет: «...Деньги, полученные за «Гул-ливера», вывели его из материального тупика и дали возможность провести летний отдых на юге. В это лето он жил в Одессе на Большом Фонтане в семье моей матери и сестры». (Складывается четкое представление, что сама Анна провела там лишь часть этого времени. – Л. А.) Забегая вперед, отметим, что официально их брак был зарегистрирован лишь четверть века спустя, в 1946 году, и в течение всех почти тридцати лет их фактического брака устно и письменно они обращались друг к другу на «вы»...

Анна свидетельствует:

«Больше всего С. Д. не любил и боялся красивых фраз и внешнего выражения чувств. О самом дорогом для себя: отчизне, литературе искусстве – он говорил редко, строго и требовательно отбирая нужные слова.

Так же скуп он был на признания и в личной жизни. Однажды он подарил мне англо-русский словарь. На титульном листе стояло (очевидно – его. – Л. А.) указание: «См. стр. 262, 272». Отыскав помеченные страницы, я прочла подчеркнутые слова *darling, love* (дорогая, любовь. – *англ.*). Избегая стертых привычных выражений, он бережно охранял чувства, прикрывая их словами чужого языка...»

И крайне редко в письмах к Анне:

«...Целую милую ручку (не швейной машинки, конечно) и еще раз прошу – если чем огорчил, простите. Виноват не я, а «он»: каждый самому себе только сосед. Отжил я этот десяток дней тихо-скромно: как будет дальше... почему я знаю? Ни бризам из меня не выдуть, ни солнцу из меня не выжечь подлой накипи, бессмысленного гневного «за что», которое умный человек не должен пускать себе в ум. Сейчас я немногим лучше маниаков: всюду и везде мысль о встрече, везде одно и то же: *Вы*. *Вы* мне путаете работу, прогоняете из головы все мысли, превращаете меня в воплощенное ожидание – ожидание существа, которое отказывает и в себе, и даже в той частице себя, которую можно переслать в почтовом конверте.

...Живу так – ни два, ни полтора, – скорее, пожалуй, «полтора», поскольку прошла только меньшая половина разлуки, и, следовательно, *Вы* только как бы полувернулись...

...Как всегда, в периоды перенапряжения, бросил на время пить (как хорошо иметь в запасе дурные привычки – есть от чего отказываться, и, освободив мозг от балласта, не снижаю лета) (когда спрашивали, зачем он пьет, он отвечал: «Из-за трезвого взгляда на жизнь». – **Л. А.**). Ну, ничего, еще несколько дней сутолоки – и потом, может быть, отдых. Может быть. Жаль, что денег у нас будет небогато, но будем по одежке «протягивать ножи», пока окончательно их не протянем.

Арбат накатывают асфальтом, выравнивая мне путь к вокзалу.

Ну, миленькая, целую Вас крепко, будьте умницей, как всегда, и только в одном – не будьте умницей: любите меня, если можно.

Ваш Зима».

Учитывая, что героев в каждом из очерков этого цикла все же двое, а также невысокую осведомленность большинства читателей (без обид – сам такой!) о личности и творческом наследии С. Д. К., приведем дополнительную информацию о нем. В декабре 1923 в Камерном театре состоялась премьера, кажется, единственной дошедшей до сцены пьесы Кржижановского – «Человек, который был Четвергом (по схеме Честертон)», драматическая переработка одноименного романа английского мыслителя и писателя Честертон.

В середине 20-х годов писатель активно участвовал в деятельности Государственной академии художественных наук. В 1925 году в журнале «Неделя искусства, литературы и театра» была напечатана его повесть в очерках «Штемпель: Москва».

Став известным и в московских театральном кругу, Кржижановский регулярно проводил публичные чтения своих новелл, очерков по драматургии и психологии сцены. Однако, несмотря на интенсивную творческую деятельность, ему редко удавалось напечатать свои произведения. Попробую объяснить причины этого с помощью публикаций специалистов. Так, прозаик, эссеист Алексей Фуфлыгин в очерке «Не вовремя» Сигизмунда Кржижановского» пишет, что «...пополнившая мировую копилку литературных шедевров проза, беллетристика и критика писателя не стала мостом, по которому он мог бы перейти реку забвения и непонимания и стать известным широкому читателю. Не помогли ни публикации его критических статей в «Литературной учебе», «Литературном критике» и «Театре», ни появление в журнале «Россия» повести «Штемпель: Москва» (расположившейся, кстати сказать, на страницах по соседству с «Белой гвардией» М.А. Булгакова), а в «Зорях» – рассказа «Якоби и «Якобы», ни авторские исполнения новелл на литературных чтениях на «Никитинских субботниках», где его слушали многие именитые гости (Москвин, Качалов, в частности). Ему многие старались помочь, считая, что «сбивается он с пути и проваливается не от недостатка сил или подслеповатости, а от более почтенных свойств натуры».

Его многие любили и почитали за большого писателя; он был знаком со многими значительными личностями того времени: Александром Грином, Юрием Олешей, Таировым, Мейерхольдом. Однажды Таиров спросил Кржижановского: «Кто ваш главный враг? Скажите. У меня все-таки есть связи... может...». «Нет, Александр Яковлевич, – ответил Сигизмунд Доминикович, – не может, и ничто мне не поможет. Мой главный враг – я сам. Я тот пустынный, который сам себе медведь». В этом был весь Кржижановский...

Еще в 1932 году тексты Кржижановского прислали на суд Максиму Горькому. К тому времени Горький уже превратился в вершителя писательских судеб, и его поддержка означала

С.Д. Кржижановский в разные годы

для автора неминуемое общественное признание и успех. Но о нашем герое он отозвался сурово, обвинив в «праздномыслии» и «празднословии» («Жужжание Кржижановского») и заявив, что «в наши трагические дни» подобные философские сочинения не нужны, а то и вредны, поскольку «все-конечно вывихнут некоторые молодые мозги», если допустить их в печать. Как пишет издатель и исследователь наследия Кржижановского В. Перельмутер, этот критический отзыв сохранял свою силу даже пятьдесят лет спустя, и уже в 1980-е годы в редакциях все еще отказывались печатать автора, которого обругал «сам Горький».

Нелестно отзывался о нем и литературный «начальник» А. Фадеев. Еще одно обстоятельство никак не способствовало популяризации его творчества – с происхождением писателя тоже было не все в порядке. В анкете, в соответствующей графе Сигизмунд Доминикович написал: «происхождение дворянское», чем серьезно навредил самому себе. А ведь ему еще при поступлении на службу советовали написать «сын служащего»,

но он упорно отказывался. Впоследствии этот факт, как и запись в послужном списке при увольнении из редакции БСЭ, «Уволен по освежению аппарата», сыграл значительную негативную роль в его судьбе.

Приведенные обстоятельства вынуждали его зарабатывать на жизнь различной внелитературной работой: в 1925-1931 он служил контрольным редактором в издательстве «Советская энциклопедия», писал сценарии рекламных роликов и фильмов, выступал как автор либретто опер. Также создал «не оперную» инсценировку «Евгения Онегина» на музыку Сергея Прокофьева (1936). Надо отметить, что в 1938 году Кржижановским было написано либретто оперы Кабалевского «Кола Брюньон», а во время Великой Отечественной войны – либретто оперы «Суворов» на музыку Сергея Василенко (успешная премьера в 1942).

Работа над пушкинским романом привела к продолжительному «пушкинскому» периоду в творчестве Кржижановского, результатом которого стали несколько работ по теории литературы

(например «Искусство эпитафия (Пушкин)», наброски «Словаря эпитафий»). А в середине 1930-х годов из заказанного писателю предисловия к первому тому собрания сочинений Уильяма Шекспира вырос «шекспировский» период творчества, во время которого написано множество статей и очерков о творчестве английского драматурга. В период 1920-1940-х годов публиковал многочисленные статьи по истории и теории литературы и театра в газете «Советское искусство», журналах «Литературный критик», «Интернациональная литература» (для которого, в частности, было написано несколько статей о Бернарде Шоу) и других. Большую часть своих прозаических произведений Кржижановский написал в 1920-1930-е годы. Среди них – пять повестей и шесть книг новелл. Кроме того, в 1925 году написаны уже упоминавшаяся повесть в очерках «Штемпель: Москва» и ряд других очерков. Был у него очерк и об Одессе – «Хорошее море».

Несмотря на известность в издательских и театральных кругах Москвы, Кржижановскому практически так и не удавалось напечатать сколько-нибудь значительный объем своей прозы. Из теоретических работ отдельной брошюрой была лишь издана «Поэтика заглавий» (1931). Четырежды Кржижановский безуспешно пытался издать сборники новелл и повестей (например, повесть «Возвращение Мюнхгаузена» была принята к печати, однако вскоре была все же отклонена издательством. Только в первой половине 90-х увидели свет отдельными изданиями книги: «Воспоминания о будущем», «Возвращение Мюнхгаузена», «Сказки для вундеркиндов» (переизданы в 2000-м), «Страны, которых нет», «Статьи о литературе и театре», «Боковая ветка: Рассказы, повести».

Несколько раз он, также безуспешно, предпринимал попытки поставить свои пьесы. Правда, Н.П. Акимов предпринял неудавшуюся попытку, а Рубен Симонов поставил на сцене театра им. Вахтангова его пьесу «Поп и поручик», но была ли она включена в регулярный репертуар, мне уточнить не удалось.

Поэтическое творчество Кржижановского, как считают критики, «...является последовательной реализацией определенной программы, возникновение которой связано с религиозными ув-

лечениями» начала 10-х годов. Но ведь и проза его необычайно поэтична. Обильное цитирование невозможно в формате этого очерка, но нет смысла писать о поэте, не давая читателю услышать хоть малую толику им написанного. Вот описание финального события в «Сказочке об Истине»:

«Только слышат раз, темной ночью, по лесу топот да гул пошел, точно падают все деревья столетние, точно молния щепит их, да вихрь рвет с корнями!

– Стук-стук-стук, кто в голове живет?

Отвечает Мысль тихо: «Я – Мысль, да Печаль тихоструйная, Любовь, Радость, Вера-затворница, мыслишки-трещотки, цитатки-побирушки... Живем – зла не чаем. А ты кто?».

– Я – Истина мира – всех вас «Давишь».

Наступила на голову: голова – хрясь!!»

Здесь не место раскрывать тему «Кржижановский и Гейне», но приведем фрагменты стихотворения «Могила Гейне» и «Сказки» Кржижановского – как образец его романтического представления о возможности чуда, в котором вещи раскрывают свой истинный смысл:

...И в душе твержу молитву
Пред великим алтарем:
Воин здесь, окончив битву,
Пал с бестрепетным челом.

Мотивы битвы, борьбы, войны повторяются и в речи, которая обращена к герою:

«Здесь, под дерном пожелтелым,
Под покровом блеклых трав,
В вечном сне окаменелый –
Сплю, в борьбе земной устав.

Я цветам своей гробницы
Песен шлю звенящих ряд, –
И с цветов они, как птицы,
К небу дальнему летят.

Песням внемлют звезд узоры,
И о них ручьи звенят.
Тихоструйных ветров хоры
Песни людям говорят...

И далее:

Если хочешь ты в боренье
Расточить свободный дух,
Наклонись в могильной сени
И очисти грешный слух...»

...сердце бьется беспокойно. –
Холод плит к устам приник...
Мысли бешено, но – стройно
Отражают жуткий миг!

Сердце стало.
Мысль сомкнулась.
Слышу горний лет луча...
...сталь меча, звеня, коснулась
Наклоненного плеча!

«Рыцарь духа ты отныне», –
Донеслося с высоты:
«Я, Вождь правды, Страж святыни,
Освятил твои мечты.

Принят ты в Великий Орден –
Орден гибнущих за Свет:
Умирай в луче познания, –
Высшей доли в мире нет.

Путь тернист наш, лозунг светел:
Мысль, свобода и любовь.
Разорви неправды сети
И отдай за падших кровь!»

Только в 2007 году была впервые издана поэтическая книжка «Стихи разных лет». Отчаявшись увидеть изданными свои сочинения в хронологическом порядке, Кржижановский и свои новеллы составлял в «книги», не оглядываясь на время написания отдельных вещей, что позволяло ему глубже подчеркивать их внутренние связи и переклички. Таким образом, все книги новелл писателя представляют собой логически завершенные произведения, подчиненные определенной внутренней идее. Однако при жизни ему не удалось увидеть напечатанной ни одну из этих своих книг.

В 1939 он был принят в члены Союза писателей, тем не менее это не изменило общей ситуации с трудностью издания произведений. «Известный непрочитанный писатель», – пишет о нем один из наиболее компетентных его биографов Д.М. Фельдман, приведший в качестве эпиграфа цитату из записных книжек С. Д. К.: «Я живу в таком далеком будущем, что мое будущее кажется мне прошлым, отжитым и истлевшим».

С 1940 года художественной прозы Кржижановский уже не писал, создав лишь два десятка очерков о Москве военного времени и зарабатывая на жизнь переводами польской поэзии и прозы (А. Мицкевич, Ю. Тувим, С. Жеромский).

Широкая публикация текстов Кржижановского началась только с 1989 года. В 2001-2013 годах в издательстве «Симпозиум» вышло первое собрание сочинений в шести томах на русском языке, охватившее практически все художественное творчество писателя, большинство его теоретических работ о театре, драматургию и философские работы, а также часть переписки. Сообщается, что ранее издания различных собраний сочинений Кржижановского неоднократно предпринимались в зарубежных странах.

Проза С.Д. Кржижановского преимущественно принадлежит к жанру малой и средней формы, он также автор множества статей и очерков по истории Москвы, истории и теории драматургии и театра, психологии сцены. По мастерству и богатству культурного фона интеллектуальная проза Кржижановского находилась на уровне современной ему европейской и мировой литературы. В. Перельмутер и М. Гаспаров ставили книги Кржижановского в один ряд с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова,

«Ювенильным морем» А. Платонова, романом «У» Всеволода Иванова, книгами К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» и «Бамбочада». Его также сравнивали с Э.-Т. Гофманом и Э. По. По мнению Н. Лейдермана, Кржижановский «...где-то рядом с Замятиным и Хармсом, Платоновым и Вагиновым». А Евгений Евтушенко в своей книге «Строфы века» уверенно сравнивает его с Ф. Кафкой и Х.Л. Борхесом.

Не могу не поддержать вопрос критика: многие ли из числа известных писателей вызвали подобные аналогии?

Сам Кржижановский считал, что его метод ближе всего к имажинизму (по крайней мере, к имажинистскому лозунгу развития образности и образа). Критики утверждают, что теоретические работы Кржижановского по истории, теории и философии литературы и театра и психологии творчества органически связаны с его художественным творчеством. И там, и там писатель постоянно рефлексировал на темы мировой культуры и философии. В теоретических работах и художественных текстах эссеистического типа Кржижановский использует образы и идеи мировой культуры для осмысления современной ему действительности, в том числе советской.

Он и Анна не были обойдены друзьями, чаще других фигурируют в воспоминаниях Мстиславский, Антокольский, Ланн, Левидов. Он очень ценил общение с А. Грином, у которого гостил в Феодосии. В 40-х годах в ВТО (Всесоюзное театральное общество. – Л. А.) раз в неделю, по средам, собиралась «теалитэлитта»: Ал. Толстой, Маршак, Михоэлс, Ланн, Кржижановский, Шервинский, Шенгели, Арго, Левик, Станевич, Дынник, Узин, Поль и другие критики и переводчики, а также безмолвные слушатели докладов. В первые годы войны С. Д. бывал в ВТО довольно часто, его доклады и выступления по чужим докладам эта изысканная аудитория любила слушать и высоко ценила.

Творческая и личная дружба связывала С. Д. с композитором С. Василенко. С. Д. написал сценарий-либретто к опере Василенко «Суворов», с успехом поставленной в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко.

В подмосковном доме композитора он встретился с нашим прославленным земляком В.П. Филатовым, который, необычай-

но дорожа его мнением, делился с ним своими литературными опытами.

Знакомство с его жизнеописанием показывает, что проще, наверное, назвать какое-либо направление культуры, которым не занимался этот, без преувеличения, выдающийся, но донине малоизвестный высокоодаренный человек, который умер 28 декабря 1950 г. в Москве. Место его погребения не указывается ни в одном из доступных источников.

На тихом кладбище, на мраморе доски,
Желтеет слов истертых позолота.
Здесь тусклая любовь караули тоски
Нескладно вывела у смертного излета.

Там в высоте прозрачных тучек сеть,
Здесь травка бледная глядит из глины робко;
Ползет на край креста и пробует лететь
На алых крылышках ввысь божия коровка.

О, слезы старины, уснувшие меж трав
Под мерный плеск ручьев и звон шмелиных песен –
Любовь в вас умерла, словами отсверкав,
И по зигзагу букв ползет неслышно плесень...

С. Кржижановский

Что касается сведений об исполнительском творчестве Анны Бовшек – кроме приведенных выше, таковых сохранилось не так уж немного. Известно, в частности, об исполнении ею роли княжны Марьи Болконской в немом фильме «Война и мир», поставленном А.Я. Протазановым совместно с В.Р. Гардиным в 1916 году. Фильм не сохранился.

В 1962-1966 годах Анна Гавриловна возглавляла студию художественного слова при Государственном музее А.С. Пушкина. Неточка (как называли ее близкие. – Л. А.) была «человеком высокой пробы». Из воспоминаний Натальи Семпер-Соколовой (по слухам – любовницы Кржижановского, связь с которой была

А.Г. Бовшек в зрелые годы

весьма эфемерной, но Анна Гавриловна определенно знала о ней. – Л. А.): «...Около пяти часов занятия уже кончились, никого не было. А. Г. ждала меня в пустом классе. Спинай к окну передо мной стояла невысокая смуглая женщина с гладко причесанными темно-каштановыми волосами. Она приветливо протянула мне руки, улыбнулась и просто поздоровалась со мной... она тепло поблагодарила и вдруг обняла...»

Анна Гавриловна Бовшек, безусловно, была не только женой Кржижановского. Она была фигурой совершенно самостоятельной, прекрасной театральной актрисой... До сих пор существует живая благодарная

память о ней, поскольку с тридцать шестого года и до середины шестидесятых она занималась в театральных студиях с детьми (во время войны занятия не прерывались), и среди ее учеников были будущие выдающиеся актеры – Ролан Быков, Людмила Касаткина, Георгий Ансимов, Алла Мещерякова, Сергей Никоненко и многие другие.

Ученики А.Г. Бовшек отмечали ее дар раскрытия индивидуальностей, «умение соединить поэтический материал с данными юного артиста», способность дать «творческий импульс проникновения в произведение и соединения себя с ним», «основополагающую роль», которую она сыграла в их профессиональном становлении. Один из них, Авангард Леонтьев, был инициатором издания и составителем книги воспоминаний о своем педагоге, которая называется «Великое культурное противостояние» и имеет подзаголовок «Книга об Анне Гавриловне Бовшек» (2009). К 120-летию со дня рождения А.Г. Бовшек снят посвя-

ценный ей документальный фильм «Жизнь поперек строк» (реж. Игорь Калядин).

Она сохранила и систематизировала архив рукописей и наследия мужа, на основе которого в 2001-2013 годах было издано шеститомное собрание сочинений писателя. Ей удалось осуществить передачу его рукописей в Центральный государственный архив литературы и искусства. Сложность заключалась в том, что публикация части рукописей и в более позднее советское время была невозможна. Поэтому Анна Гавриловна не доверила их государственному архиву и увезла с собой в Одессу. После ее смерти часть бумаг была передана родственниками в Одесское отделение Литфонда УССР. В 1960-х годах она написала обильно цитируемые нами воспоминания о Кржижановском, вышедшие в издательстве «Художественная литература» в 1990 году. В финале воспоминаний А. Бовшек пишет: «С.Д. Кржижановский не дожил до наших дней, когда его имя возникло из небытия. Что сказал бы он об этом чуде? Поздно меня воскрешать? Или что-то вроде – «fatalité» (судьба, неизбежность. – франц.)?»

Книга об Анне Бовшек

Надгробный памятник А.Г. Бовшек

Если бы вера в бессмертие души научно подтвердилась, он должен бы испытать наконец радость. У С. Д. не было настоящего, однако он заслужил будущее – всем своим оригинальным творчеством и страданиями пожизненно непризнанного писателя...»

В конце жизни Анна Гавриловна вернулась в Одессу, в построенный отцом дом, где жили сестры. И здесь прошли ее последние годы.

Здесь, в Одессе, А.Г. Бовшек умерла осенью 1971 года. Мои друзья нашли ее могилу на 22-м участке Второго христианского кладбища. На изрядно обветшавшем памятнике указано также, что здесь похоронен кто-то из ее родственников, носивших ту же фамилию.

